

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОЖДАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА, СРЕДНЕЙ ВОЛГИ И ОРЕНБУРЖЬЯ В ПЕРИОД ГОЛОДА 1932–1933 ГОДОВ

© 2021

Назаренко Н.Н.¹, Башкин А.В.²

¹Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
(г. Челябинск, Российская Федерация)

²Проект «Исторические материалы» (г. Москва, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема оценки естественного движения населения в период голода 1932–1933 года в Волго-Вятском регионе, Среднем Поволжье и Оренбуржье (Горьковский и Средне-Волжский край с национальными автономиями и Татарская АССР в границах 1933 года). Установлено, что в большинстве рассмотренных регионов был высокий уровень учета естественного движения населения на местах, высокий недоучет отмечен в селах Средне-Волжского края и особенно в Мордовии. Не выявлен высокий недоучет неместного населения и большое число неучтенных неизвестных умерших. Родившиеся и умершие неместные и неизвестные лица фиксировались местными органами учета и попадали в районную и областную статистическую отчетность, но наличие их в отчетности центральных статистических органов не установлена. Показана высокая доля умерших мигрантов в городах, что опровергает мнение об административном ограничении миграций в условиях голода. Установлено, что смертность городского населения обследованных регионов была не ниже, а в отдельных случаях превышала смертность на селе, что опровергает мнение о том, что в период 1932–1933 годов пострадало преимущественно крестьянство. Доказано отсутствие в рассмотренных регионах в период голода 1932–1933 годов социцида либо этноцида (геноцида). Установлено, что высокая убыль сельского населения Нижнего Поволжья была скомпенсирована естественным приростом в селах Среднего Поволжья и Волго-Вятского региона. Показано, что в 1933 году в Волго-Вятском регионе, Поволжье и Оренбуржье рождаемость и смертность менялись при пересечении административных границ и зависели от местных условий, что также не подтверждает теорию о намеренно организованном голоде. Выдвинуто предположение, что пики смертности летнего периода 1932 и 1933 годов в некоторых регионах могут быть связаны не с голодом, а с эпидемиологической обстановкой. Выявлена необходимость учета местных природно-климатических условий при анализе демографической ситуации 1932–1933 года в регионах. Превышение смертности в период голода 1932–1933 гг. в Волго-Вятском регионе, в Поволжье (без учета в 1933 году Калмыцкой АО) и в Оренбуржье составило 324 тыс. человек, еще 48 тыс. человек – превышение смертности 1934 года в Горьковском и Средне-Волжском крае и Татарской АССР. Демографические потери 1933–1934 годов от снижения рождаемости в Волго-Вятском регионе, Поволжье (без учета в 1933 году Калмыцкой АО) и Оренбуржье в 1932–1934 гг. составили 306 тыс. человек.

Ключевые слова: голод 1932–1933 годов; рождаемость; смертность; естественное движение населения; динамика демографических показателей; демографические потери; Средне-Волжский край; Горьковский край; Татарская АССР; Оренбуржье; Поволжье; Среднее Поволжье; Волго-Вятский регион.

REGIONAL FEATURES OF BIRTH AND MORTALITY RATE IN THE VOLGA-VYATKA, MIDDLE VOLGA AND ORENBURG REGIONS DURING THE FAMINE OF 1932–1933

© 2021

Nazarenko N.N.¹, Bashkin A.V.²

¹South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation)

²Project «Historical Materials» (Moscow, Russian Federation)

Abstract. The paper analyzes the vital statistics of the 1932–1933 famine in the Volga-Vyatka, Middle Volga and Orenburg regions (Gorkovsky and the Middle Volga Krai with national autonomous areas and the Tatar ASSR within the 1933 borders). It has been established that a high level of vital statistics registration occurred in most studied regions, high underestimating occurred in the rural areas of the Middle Volga Krai and Mordovia especially. High underestimating mortality among non-local residents and unidentified residents has not been established. Birth and mortality rate of non-local residents and unidentified residents were registered by local statistical service structures and were included in regional statistical reports, but their presence in central statistical reports has not been established. A high percentage of dead migrants in the towns has been shown, it refutes the opinion of administrative migration limit during the famine. It has been established that mortality in the town population was not lower and even exceeded rural mortality in some cases. It refutes the opinion that peasantry suffered from the famine most of all. The author proves that there was no sociocide or ethnocide (genocide) in the studied regions during the 1932–1933 famine. The high population loss in the Low Volga region was compensated by natural population increase in the Volga-Vyatka and Middle Volga regions. The mortality as well as birth rate varied dramatically within different administrative borders, indicating specific local conditions (local government response, natural and climate conditions, etc.).

that invalidate hypothesis of authorities-made famine. The mortality peaks in 1932–1933 may indicate not only the famine, but seasonal epidemics as well and require additional research. The author has established that it is necessary to consider regional climatic conditions when analyzing vital statistics during the 1932–1933 famine. The entire number of deaths excess during the 1932–1933 famine totaled up to 324 000 in the Volga-Vyatka, Volga (excluding the Kalmyk Autonomous Oblast in 1933) regions and 48 000 deaths excess – in the Gorkovsky and Middle Volga Krai, and Tatar ASSR in 1934. The total demographic losses due to a decreased birth rate in the Volga-Vyatka, Volga (excluding Kalmyk Autonomous Oblast in 1933) and Orenburg Regions in 1932–1934 came to 306 000 people.

Keywords: famine of 1932–1933; birth rate; mortality; vital rate population data; vital rate dynamics; demographic losses; Middle Volga Krai; Gorkovsky Krai; Tatar ASSR; Volga region; Orenburg Region; Volga-Vyatka region.

Рассматривая вопрос региональных особенностей голода 1932–1933 гг. в СССР, В.В. Кондрашин пишет, что до настоящего времени в историографии отсутствует обобщающая работа на эту тему [1, с. 199]. По нашему мнению, проблема таких обобщений в первую очередь связана с географическим подходом – административно-территориальным устройством, географическим районированием и их сопоставлением.

Это хорошо видно на примере Поволжского региона. С географической точки зрения Поволжье – регион, включающий в себя территории, прилегающие к р. Волга, либо территории бассейна р. Волги. Исторически к Поволжью относят бассейн Волги от устья Оки до Каспия (от Волго-Камского региона до Астрахани) [2, с. 155–156]. Территория верхнего течения р. Волги (Верхняя Волга) Поволжьем не считалась, хотя это и есть Поволжье, так как с точки зрения гидрологических показателей и палеогеографии Волгу можно рассматривать как приток р. Камы [3, с. 42]. Сформировалось современное географическое понимание Поволжья, как и деление его на Среднюю и Нижнюю Волгу, во второй половине XIX века, но при этом еще тогда к Средней Волге кроме Казанской, Симбирской и Самарской губернии иногда относили и нижневолжскую Саратовскую [2, с. 156]. А с точки зрения гидрологии в Среднюю Волгу необходимо включать еще и участок от Нижнего Новгорода с прилегающими территориями.

Если сопоставлять Поволжье с современным административно-территориальным устройством (Поволжский федеральный округ), то в него включены территории, географически относящиеся к Южному (Башкирия и Оренбургская область) и Среднему (Пермский край) Уралу. В 1932–1933 гг. эта территория входила в состав Нижне-Волжского, Средне-Волжского и Горьковского краев, Татарской и Башкирской АССР, а Пермский край – Уральской (с 1934 г. – Свердловской) области. С точки зрения современного экономико-географического районирования в Поволжский экономический район попадают территории Татарской АССР, Средне-Волжского и Нижне-Волжских краев, но без Оренбуржья и Мордовии. Последняя включена в Волго-Вятский экономический район, практически совпадающий с территорией Горьковского края. Наиболее однозначно определяется Нижняя Волга как современные Саратовская, Волгоградская и Астраханская области или территория Нижне-Волжского края 1933 года, рассмотренного нами ранее [4]. Во всех же остальных случаях упоминания Поволжья и Средней Волги возникает проблема выбора схем районирований и их сопоставления.

Как правило, исследователи отталкиваются от административно-территориального устройства. Так,

Е.А. Осокина приводит два варианта оценки естественного прироста населения в 1933 году Центральным управлением народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) СССР в границах административно-территориальных единиц на 1933 год [5]. Для сельского населения наблюдается положительный естественный прирост населения (в скобках с поправкой ЦУНХУ на недоучет) в Горьковской области – 70,5 (72,8), в Татарской АССР – 22,9, а в Средне-Волжском крае – 10,9 (13,7) тыс. человек [5, с. 19, табл. 1, с. 20, табл. 2]. Убыль в этих регионах отмечена только для городского населения, а убыль всего населения Средне-Волжского края [5, с. 19, табл. 1, с. 20, табл. 2] также определяется городским населением. Е.А. Осокина пишет, что общая убыль населения в 1933 г. была характерна для Средней Волги [5, с. 21] без пояснений, какая «Средняя Волга» имеется в виду. Важно, что естественный прирост населения в трех регионах принципиально отличается от Нижней Волги [4; 5, с. 19, табл. 1, с. 20, табл. 2], что указывает на некорректность обобщения проблемы голода для Поволжья в целом.

Тем не менее такие обобщения характерны для демографов и историков. О голоде в сельской местности Поволжья в целом пишет Е.М. Андреев с соавторами [6, с. 42, 46], в том числе указывается отрицательный естественный прирост населения в «Средне-Волжском районе» [6, с. 47], возможно, так назван Средне-Волжский край. На голод в Поволжье вообще с обобщенными оценками смертности указывает Н.А. Ивницкий [7, с. 361; 8, с. 191], опираясь на подсчеты В.В. Кондрашина, дается оценка числа умерших от голода в Поволжье 200–300 тыс. и около 1 млн демографических потерь [8, с. 228]. О каком «Поволжье» идет речь не объясняется. Также Поволжье упоминает в своих оценках С.А. Нефедов, определяя «излишнюю» смертность в регионе как 231 тыс. человек [9, с. 47; 10, с. 270], исходя из данных Р. Дэвиса и С. Уиткрофта. Критика взглядов С.А. Нефедова представлена нами ранее [4, с. 190], здесь необходимо отметить, что также не указано, о каком «Поволжье» идет речь. При этом в другой работе к очагу демографической катастрофы С.А. Нефедов относит только «часть Поволжья» [11, с. 61], также без объяснения, какая это часть.

Р. Дэвис и С. Уиткрофт, на которых ссылается С.А. Нефедов, рассматривают как Поволжье Нижне-Волжский и Средне-Волжский край, указывая превышение смертности в них относительно «нормальной», соответственно, в 9 и 3 раза [12, с. 417]. И отдельно, ссылаясь на справки ОГПУ, приводят случаи смертей от голода в некоторых населенных пунктах Горьковского (Нижегородского) края и Татарской АССР [12, с. 418]. Судя по всему, под «Средней Волгой» они понимают только Средне-Волжский край

(который не вся Средняя Волга и в 1932–1933 годах включал еще и южно-уральское Оренбуржье). При этом у Р. Дэвиса и С. Уиткрофта получается парадоксальная ситуация, когда в более пострадавшем по их же оценкам Нижне-Волжском крае рассчитанная «сверхсмертность» оказалась только за 1933 год и ниже (0,15 млн чел.), чем в Средне-Волжском крае – 0,25 млн чел. за 1932–1933 года [12, с. 422, табл.]. Р. Дэвис и С. Уиткрофт используют данные ЦУНХУ СССР в рамках крупных административно-территориальных единиц, но, в отличие от Е.А. Осокиной, другой вариант отчета [13, ссылка Registered excess deaths by regions, 1932–1933]. Помимо этого, они «весьма условно» [14, с. 748] группируют регионы согласно своей классификации на базе неких критериев сельскохозяйственного производства в пять макрорегионов [13; 14, с. 748–749]: Горьковский край отнесен к Северному потребляющему, а Нижне-Волжский, Средне-Волжский и Татарская АССР (или «различные сегменты Поволжья» [14, с. 749]) – к Центральному производящему, что не вполне соответствует существующему экономико-географическому районированию. С. Уиткрофт указывает, что для Среднего Поволжья наблюдался самый высокий пик смертности городского населения (140 чел. на 1000), который в два раза превосходил пик смертности сельского населения и длился дольше [14, с. 752]. И уточняет, что Среднее Поволжье пострадало особенно сильно, скорее всего, в ранний период голода [14, с. 768]. Но при этом при описании ситуации в Центральном производящем регионе и в Поволжье вообще не упоминается Татарстан.

В монографии «Население России в XX веке» период 1932–1933 годов назван украинским пропагандистским термином «голодомор», который, по мнению авторов монографии, охватил и Нижнее и Среднее Поволжье [15, с. 266]. Отмечается высокая смертность от голода в Поволжье и отрицательный прирост населения в 1934 году в Татарской АССР [15, с. 268]. Оценка смертности от голода приводится согласно исследованиям В.В. Кондрашина [15, с. 274], а в конечном итоге для Поволжья приведена цифра 0,4 млн человек прямых потерь [15, с. 275]. О каком именно «Поволжье» идет речь в главе не объясняется.

В качестве территории голода Нижнее и Среднее Поволжье называет В.Б. Жиromская [16, с. 95; 17, с. 651]. В таблице убыли населения в период между переписями 1926 и 1937 годов из регионов, входивших в 1933 году в Средне-Волжский край, указана Куйбышевская область (7,8% убыли от всего населения) и Мордовская АССР (5,4% убыли всего населения и 9% сельского). Отдельно показана убыль по Кировской области (0,3% всего и 8,8% сельского) и сельского населения Татарской АССР (6,0%), не упоминаемой как очаг голода [16, с. 99; 17, с. 652]. При этом Татарская АССР характеризовалась, как указано выше Е.С. Осокиной, положительным естественным приростом сельского населения. Сами оценки привязаны к административно-территориальному устройству на момент переписи 1937 года, а не на 1933 год.

Проблема определения непрерывного ряда движения населения в период между довоенными переписями населения СССР привела американско-украинскую группу демографов и историков к необходимо-

сти выделять в РСФСР некие «субрегионы» с расчетом «матриц коэффициентов перехода» (matrices of transition coefficients) в связи с изменением административно-территориального устройства [18, р. 4]. Ими определяются три таких «субрегиона» – Central Volga (по-видимому, это Средне-Волжский край), Gorkiy (Горьковский край) и Tatarstan (Татарская АССР) [18, р. 4, р. 8, см. карту]. Критика методики, используемой этой группой исследователей, нами была представлена ранее [4, с. 190–191]. Здесь нужно отметить, что для Горьковского края при построении непрерывного демографического ряда до переписи 1939 года возникает проблема: при выделении из него в декабре 1934 года Кировского края в состав краевой Удмуртской автономной области (реорганизована в АССР) были переданы Сарапульский и Воткинский районы Свердловской (на 1933 год Уральской) области. А для этого года расчет «коэффициентов перехода» в методике не отмечен [18, р. 4]. Выделенный Central Volga край у авторов попадает в третью группу потерь с «избыточной» смертностью 35,7 (34,4 для сельской местности) на 1000 человек, Татарстан – четвертую группу (25,7) и Gorkiy край – в пятую (8,6) [18, р. 6, р. 7, см. рис. 2, р. 9, см. табл. 4]. При этом официальная смертность на основе данных порайонного учета в этих регионах составила на 1000 чел. для Средне-Волжского края – 40,0 (37,7 на селе) [19, л. 47 об.], Татарской АССР – 29,3 [20, л. 90 об.] и Горьковского края – 30,6 [19, л. 54 об.]. На фоне этих величин рассчитанная американско-украинской группой «избыточная смертность» указывает, скорее, на неадекватность методики расчетов, чем на реальный масштаб голода.

Наконец, из обобщающих по Поволжью в период голода 1932–1933 годов необходимо рассмотреть работы В.В. Кондрашина. Анализ его работ и критика подходов, используемых им, и полученных оценок для Нижне-Волжского края была нами детально представлена ранее [4, с. 191–193]. Здесь отметим, что им указаны оценки демографических потерь от голода 1932–1933 годов сельского населения как около 1 млн человек, а прямые – 200–300 тыс. человек. Но в одних работах эти потери относятся только к селам и деревням Поволжья и крестьянам [21, с. 131; 22, с. 99; 23, с. 229–230]. В других работах речь идет о сельской местности и крестьянах Поволжья и Южного Урала [24, с. 190]. Далее в работах указано Поволжье и Южный Урал в целом (минимально 300 тыс. прямых потерь и 1385,7 тыс. демографических [25, с. 109]), снова демографические потери сел и деревень [26, с. 324]. И, наконец, даны 300 тысяч прямых потерь от голода и связанных с ним болезней в Поволжье и Южном Урале вообще [26, с. 325]. Фактически же речь идет о Средне-Волжском и Нижне-Волжском крае, в результате чего у В.В. Кондрашина из Поволжья в его историческом понимании выпадает Татарстан, а от Южного Урала наличествует только Оренбургская область, и нет Башкирии и Челябинской области. В еще одном варианте как Поволжье В.В. Кондрашин указывает Нижне-Волжский и Средне-Волжский край и АССР Немцев Поволжья, Мордовскую и Калмыцкую автономные области и Татарскую АССР [27, с. 249]. При этом первые три национальные автономии не были отдельными единицами, а входили в состав указан-

ных краев. Общая оценка схожа с вышеуказанной (462004 sic! человека [27, с. 254, см. табл. 6]), но нет пояснений, какие регионы учтены при подсчетах, поскольку в тексте упоминаются только два приволжских края, а Татарская АССР после упоминания вначале нигде не указывается. Критика самой оценки нами также была выполнена ранее [4, с. 192].

Для Средней Волги (фактически Средне-Волжского края) В.В. Кондрашин указывает, что в 1933 г. ситуация была более благоприятная [25, с. 107] и не было голода, характеризовавшегося такой же голодной смертностью, как в соседнем Нижне-Волжском крае [1, с. 207; 26, с. 417–418]. Для края дается несколько оценок смертности и потерь от голода. Один подсчет выполнялся балансовым методом на основе падения рождаемости, роста смертности и сальдо миграции по численности населения на начало критического периода (1933 г.) и на его конец (1935 г.) [25, с. 108, табл. 4]. Для сел Средне-Волжского края величина демографических потерь на основе официальных данных – 514503 человека и «не подтвержденная официальной статистикой» убыль населения 694597 человек. Критика методики этой оценки приводилась нами в предыдущей публикации [4, с. 192]. Здесь отметим, что для Средне-Волжского края также есть другие величины численности сельского населения (тыс.) – 6701,5 (на 01.01.1933) и 6932,4 (на 01.01.1935) [28, л. 30], в результате чего получается не убыль 1209,1 человек, как у В.В. Кондрашина в таблице, а прирост 230,9 тысяч человек. Вообще, оценка потерь населения на основе архивных данных о его численности с 1933 года (включительно) часто может быть некорректной в связи с расхождениями между оценками ЦУНХУ, местными статистическими управлениями и данными первичного учета. Например, УНХУ РСФСР исчислил численность населения РСФСР на 1933 год в 99336,7, а ЦУНХУ – 103589,5 тыс. человек [29, л. 1] – разница почти в 4 миллиона. Еще один вариант оценки потерь населения Средне-Волжского края В.В. Кондрашиным дается (по В.Б. Жиромской) исходя из разницы между численностью сельского населения по данным переписей 1926 и 1937 годов [24, с. 247, см. табл.; 30, с. 277, табл. 6; 31, с. 16, табл. 6; 32, с. 283, табл. 16]. Этот подход и анализ рассмотрен нами выше, а его критика – в предыдущей публикации [4, с. 193]. Наконец, в одном из вариантов оценки для Средне-Волжского края В.В. Кондрашиным рассчитана «среднегодовая норма смертности» сельского населения за 1933 год 27,5 на 1000 населения [25, с. 107]. При этом по данным годовых порайонных отчетов смертность была выше – 37,7 [19, л. 47 об.].

Для Средне-Волжского края В.В. Кондрашиным указывается, что зарегистрированный уровень смертности в 1933 году превосходил уровень 1927 года в 1,8 раза, 1928 г. – в 1,9 раза, 1929 г. – в 1,5 раза, 1930 г. – 1,6 раза, 1931 г. – в 1,5 раза, 1932 г. – в 1,8 раза, 1934 г. – в 2,2 раза, а в 1934 году уровень рождаемости упал по сравнению с 1933 годом в 1,6 раз [23, с. 221; 24, с. 184; 25, с. 102; 26, с. 271–272]. Наибольшее падение рождаемости в 1933–1934 гг. по сравнению с 1929–1932 годов (в 3,3 раза) указано для Камешкирского, Кондольского, Никольского, Городищенского и Лопатинского района Пензенской области, входившей в 1933 г. в Средне-Волжский край [30, с. 177].

Помимо обобщенных оценок В.В. Кондрашиным дана региональная оценка демографии голода в Средне-Волжском крае на основе данных первичного учета загсов 19 районов из областных и региональных архивов [23, с. 220–221; 24, с. 183–184; 25, с. 102–103; 26, с. 271; 32, с. 278; 33, с. 176–177]. Несмотря на разночтения по обследованной территории, объектам и проблемы методики выборочного обследования [4, с. 191–192], важнейшим выводом является то, что цифры из итоговых отчетов и документов первичного учета схожие, что указывает на необоснованность заявлений о большом недоучете и большом числе незарегистрированных смертей в 1933 году. На основе картографического анализа утверждается, что интенсивность голода в районах Средне-Волжского и Нижне-Волжского краев разная [25, с. 104], без объяснений различий. На представленной же картограмме единственное четкое различие – отсутствие в Средне-Волжском крае районов с очень высоким превышением числа умерших в 1933 году по сравнению с 1932 годом [25, с. 104, см. рис.]. Также для Средне-Волжского края на картограмме не видно, что наиболее поражены голодом были районы, примыкавшие к р. Волге и связанные с основными шоссейными и железными дорогами краевого и союзного значения [25, с. 104; 27, с. 250]. В других работах указывается, что центр голода в Средне-Волжском крае был расположен в левобережных районах [23, с. 224; 24, с. 186; 26, с. 275], что тоже не прослеживается на картограмме [25, с. 104, см. рис.]. А районы с высоким превышением смертности равномерно распределены по всей территории края [25, с. 104, см. рис.]. Еще одним центром голода в Средне-Волжском крае назван Приволжский район [23, с. 225; 24, с. 187].

По проблеме голода в Средне-Волжском крае имеется диссертационная работа, в которой указывается, что голод особенно активно проявился на рубеже 1932–1933 годов и особенно пострадали юго-западные и левобережные районы края [34, с. 15]. Наиболее пострадавшие – Абдулинский, Андреевский, Больше-Глушицкий, Буртинский, Байтугановский, Каширинский, Кваркенский, Кинельский, Кошкинский, Майнский, Мелекесский, Ново-Спасский, Оренбургский, Орский, Пестравский, Приволжский, Покровский, Чапаевский, Сенгилеевский, Сергиевский, Сорочинский, Ставропольский, Сызранский и Шарлыкский районы [34, с. 15]. Отмечается резкое ухудшение демографической ситуации в городах края – за первое полугодие 1933 г. смертность увеличилась в Ульяновске в 1,5 раза, в Самаре, Пензе и Сызрани – в 2 раза, в Оренбурге – в 2,5 раза, а рождаемость снизилась в 1,5–2 раза, в городах не было прироста населения [34, с. 18], что связано также и с высокой смертностью в городах истощенных беженцев из сельской местности, которая фиксировалась городскими загсами [34, с. 18]. Оценки прямых и демографических потерь от голода в автореферате диссертации нет. В другой своей работе Н.Е. Каунова указывает, что единственным историческим источником демографической статистики для изучения движения населения являются архивные материалы, в частности, документы текущего административного учета населения [35, с. 334] и дается динамика численности сельского населения Средне-Волжского

края, но не по архивным данным [35, с. 335, табл. 1]. Оценки потерь от голода также приводятся не по архивным данным, а по одному из вариантов В.В. Кондрашина (рассмотренный балансовый метод между 1933 и 1935 годами) [35, с. 334], а «средне-волжская деревня», рассматривается только как Средне-Волжский край.

По Вятскому региону (Кировский край с Удмуртией) имеется ряд работ, связанных с проблематикой голода 1932–1933 годов. О.Н. Леконцев, указывает, что Удмуртия и Кировская область находились не в эпицентре голода, однако положение в регионах также было сложным в первую очередь из-за природно-климатических условий, в частности засухи 1933 года в Удмуртии, а также частичных неурожаев в 1932 и 1933 годах [36, с. 170]. Приводятся примеры недоедания, голодания, питания суррогатов и опухания на почве голода в отдельных районах и населенных пунктах, но обобщенной демографической статистики не представлено. И.В. Чемоданов как одну из основных причин продовольственных затруднений в Вятском регионе называет организационную неразбериху в созданных на скорую руку колхозах и психологию крестьян-единоличников, приводившую к повальному воровству рядовыми колхозниками и руководством и транжирству общественных фондов [37, с. 61–62]. Указываются случаи голодания в отдельных хозяйствах шести районов региона [37, с. 64], но обобщенной демографической статистики также не представлено. Наиболее детально в Удмуртии демографическая ситуация с оценкой демографических процессов для разных национальностей исследована С.Н. Уваровым [38]. В 1933 году отмечена минимальная рождаемость (37283 чел.) и максимальная смертность населения (30685 чел.) [38, с. 667], прирост населения положительный, но упал за 1930-е годы в 3,2 раза [38, с. 668, 671], а в городах – практически нулевой (37 чел.) [38, с. 668]. Это совпадает с данными порайонного учета [19, л. 54], за исключением чуть большего числа умерших у С.Н. Уварова (возможно, за счет учтенных умерших за пределами Удмуртии). Рост смертности 1933 года составил 37,3% по отношению к предыдущему году [38, с. 670]. Демографические процессы в Удмуртии характеризовались сглаженным падением рождаемости и небольшими колебаниями смертности до 1933 года без резкого пика числе умерших в 1933 году (сопоставимо с 1930–1931 годами) [38, с. 669, рис. 1]. Автор указывает на голод 1932–1933 годов как причину высокой смертности и низкой рождаемости, но оценок потерь населения за эти годы не представлено.

В Мордовии в 1932–1933 годы наблюдается схожая с Вятским регионом картина. В 1932 году ситуация в сельском хозяйстве ухудшилась в связи с засухой [39, с. 175; 40, с. 62], отмечались факты голодания, питания суррогатами и роста инфекционных болезней в отдельных районах и населенных пунктах [39, с. 178; 40, с. 65–67]. С 1930 года шло снижение естественного прироста населения, и по сравнению с 1930 годом в 1933 году упала рождаемость до 41033, а смертность выросла до 33165 человек, естественный прирост населения сократился более чем в 3,4 раз (7868 человек) [40, с. 67]. В энциклопедии Мордовии приводится естественный прирост сельского населения в 1933 году 2225 человек [41,

с. 243]. Данные порайонного учета дают величины несколько выше (43264 и 35116, соответственно, с приростом 8148 человек) [19, л. 47 об.]. Оценок потерь от голода в рассмотренных работах не приводятся.

По Оренбуржью, территория которого в период 1932–1933 годов входила в состав Средне-Волжского края, также отсутствуют однозначные оценки потерь от голода. Одна из оценок роста смертности базируется на предложенном В.Б. Жиромской сравнении численности населения между довоенными переписями 1926 и 1939 годов [42, с. 386], но в представленной таблице в Чкаловской (Оренбургской) области численность населения выросла с 1499531 до 1676668 человек [42, с. 387, см. табл. 1]. В другой работе приводится падение доли сельского населения Оренбуржья между этими переписями на 8,5%, хотя сами авторы указывают его рост (с 1286703 до 1296741) [43, с. 106]. Акцентируется внимание на небольшом абсолютном приросте 10038 человек и коэффициенте прироста 0,8%, связывая небольшую величину с голодом [43, с. 106]. Наконец, еще одна оценка основана на снижении численности сельского населения на 211134 человека (с 1359300 человек в 1933 г. до 1148166 человек в 1936 г.) или на 8,4% [42, с. 388; 43, с. 107; 44, с. 95]. Оценок потерь непосредственно в годы голода в рассмотренных работах не приводятся.

Таким образом, вопрос естественного движения населения в приволжских регионах представлен достаточно подробно, но рассмотрен он в первом приближении на уровне крупных административно-территориальных единиц либо национальных автономий. Также в оценках используется географическая терминология без объяснений, что под ней понимается. В связи с чем, например, из Среднего Поволжья выпадают целые регионы, например Татарстан, и в него попадают регионы, географически ему не соответствующие (Оренбуржье). Кроме того, при балансовых оценках используется административно-территориальное устройство не на момент голода. Отмечаются проблемы методики расчетов и выделения административно-территориальных и географических единиц. Также рождаемость, смертность и оценки потерь в различных публикациях достаточно сильно отличаются, либо представлены обобщенные оценки по регионам в целом без рассмотрения внутрирегиональных особенностей. Для части регионов демографические оценки нами не обнаружены (Чувашия и Среднее Поволжье в районе Нижнего Новгорода (г. Горький в 1933 году)) или представлены недостаточно – по Татарстану найдено упоминание только одной региональной работы в одном историографическом обзоре [30, с. 49]. Данные по смертности в период голода 1932–1933 годов в Среднем Поволжье, Волго-Вятском регионе и Оренбуржье в некоторой степени противоречивы и не всегда базируются на принятых в демографии показателях и коэффициентах, детально не рассмотрен вопрос городской и порайонной смертности.

Задачей данной работы является оценка региональных особенностей естественного движения населения в период голода 1932–1933 годов в Волго-Вятском регионе (Горьковский край на 1933 год, включая Марийскую и Удмуртскую автономные области

и Чувашскую АССР, а также Мордовскую автономную область, входившую в Средне-Волжский край), в Среднем Поволжье (Татарская АССР и приволжские регионы Средне-Волжского края) и Оренбуржье, входившем в 1933 году в Средне-Волжский край.

В современной историографии существует мнение, что проблема демографии голода представляет сложность из-за отсутствия сводной статистики и неполноты материалов текущего учета как из-за неполного охвата населения, так и неполноты сведений [15, с. 267]. Изучение архивных материалов даже по сводной статистике показывает иную картину – материалов много, но в них присутствуют разночтения в данных. Связано это с существованием двух групп отчетности: конъюнктурной (по материалам месячных отчетов) и годовых разработок, выполненных за год с уточнением конъюнктурных данных [14, с. 724, 744–747], и с последующими пересчетами в связи с реорганизацией крупных административно-территориальных единиц и оценки населения в связи с переписями 1937 и 1939 годов. В результате существует несколько групп данных за разные годы [14, с. 744–747].

За 1933 год по рассматриваемым регионам в отчетах имеются разночтения вплоть до десятков тысяч человек (табл. 1), что дает возможность делать различные оценки как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения, согласно выбранным данным. Использование же таких уточненных (исчисленных) советскими статистиками данных в балансовых оценках может привести к искусственному завышению потерь.

Еще одна проблема – неполнота охвата населения (отсутствие загса на территории) и неполнота учета в случае сбоев в работе загса. Советские статистики оценивали недоучет по числу загсов, приславших отчеты (по загсо-месяцам), и по численности обслуживаемого приславшими отчеты загсами населения. В разных отчетах эти величины разные – загсы организовывались и реорганизовывались, в конъюнктурных отчетах и годовых разработках учитывалось разное число загсов (загсо-месяцев), а оценка численности населения различалась в зависимости от мнения загсов и статуправлений на всех уровнях до ЦУНХУ включительно.

За 1933 год по рассматриваемым регионам можно увидеть рост точности учета от конъюнктурных отчетов до годовых разработок (табл. 2). Численность населения по различным источникам сопоставима, но отличается в ту или иную сторону, что еще раз указывает на некорректность балансовых оценок по динамике численности населения, поскольку выбор источника определит число «потерь». Число городов, городских поселков и сельсоветов также совпадает или очень близко к числу соответствующих загсов, что указывает на отсутствие в рассматриваемых регионах высокой неполноты охвата населения. Несовпадения, скорее всего, связаны с текущими реорганизациями сельсоветов и загсов или с ситуацией, когда один загс обслуживал несколько соседних сельсоветов.

Сопоставление отчетных данных показало высокий уровень текущего учета естественного движения населения в Горьковском крае – недоучет колеблется на уровне 3%. Для принятого в статистике уровня

значимости 0,05 это статистически достоверные данные. В Марийской АО недоучета не было. Подтверждается это данными ЦУНХУ, в которых точность учета населения Горьковского края в границах 1935 года и Кировского края составило (город и село) 99,50 и 96,34% и 100 и 97,43% соответственно [29, л. 13]. По недоучету в городах Чувашии – фактически это два неприсланных месячных отчета по г. Алатырь. По Татарстану недоучета не было.

Наиболее проблемным был Средне-Волжский край. В.В. Кондрашин указывает, что только 82,6–87,0% загсов Нижне-Волжского и Средне-Волжского края в 1933 году представляло ежемесячные отчеты, соответственно 12,6% сельского населения оказалось не охвачено учетом [24, с. 183]. Если для Нижне-Волжского края это не так [4, с. 194], то в сельской местности Средне-Волжского края и особенно в Мордовии ситуация с отчетами загсов была еще хуже. В Мордовии недоучет составил около трети населения. В городах полностью охваченным оказалось только население г. Ардатова. Даже в г. Саранске недоучет составил 8%, а в остальных городах – от 8 до 17% и 33% по п.г.т. Ширингуши. Катастрофическая ситуация с недоучетом была в Темниковском (58%) и Zubovo-Полянском (70%) районах. Для края недоучет был в таких городских поселениях, как Городище (17%), Беднодемьяновск (ныне г. Спасск Пензенской обл.) и Похвистнево (ныне Самарской обл.) – 33%. Высокий недоучет (49%) был в Телегинском (не существует, территория Пензенской обл.) и Кинель-Черкасском (ныне Самарской обл.) районах. В Правобережье края недоучет сельского населения составил 15%, и 19% – в Левобережье. По селам Оренбуржья недоучет был 23%. Подтверждается это данными ЦУНХУ: точность учета в Куйбышевском крае в границах 1935 года была (город и село) 98,69 и 80,94%, а в селах Оренбургской области – 76,59% [29, л. 14].

Еще одной проблемой является учет незарегистрированного населения, являющийся в настоящее время поводом для различного рода обоснований больших незарегистрированных потерь населения от голода. С. Уиткрофт пишет, что с начала 1933 года местные органы статистики и регистрации получили указания, которые обязывали их в дальнейшем вести учет рождаемости и смертности только местных жителей и не учитывать лиц из числа неместного населения, для которых отсутствовали точные данные о прописке [14, с. 721]. И называет «истинным мотивом» этого скрыть скачок смертности [14, с. 722]. При этом никаких ссылок на упоминаемую им «кинструкцию» не приводится, зато описывается, как статистики на местах вопреки указанию учитывали неместное население [14, с. 721–722]. Если же посмотреть любую форму ежегодного отчета 1-а «Общие итоги естественного движения населения», изданную типографским способом тиражом в несколько тысяч экземпляров [19; 20], то видна другая картина. Поскольку в форме есть столбцы (13, 20, 24), в которых учитывали родившихся, умерших и умерших до 1 года жителей, не являющихся постоянно проживающими в данной местности. В.В. Кондрашин, работавший в архивах с первичной документацией загсов приволжских краев, указывает, что умерших неизвестных лиц хоронили в общей яме на кладбище, но

выписывали при этом соответствующий акт о смерти [26, с. 407]. Таким образом, «неучтенные трупы» в огромных количествах не подтверждаются. Проблема заключается в том, что неместное население есть в отчетной документации местных статуправлений,

но в итоговые цифры ЦУНХУ оно обычно не попадало, что показано нами на примере Нижне-Волжского края [4, с. 194]. И это вызывает вопросы к работе ЦУНХУ.

Таблица 1 – Естественное движение населения (чел.) рассматриваемых регионов в 1933 г. по материалам отчетов УНХУ

Регион		Конъюнктурные данные		Годовые разработки		
		отчетные	исчисленные	отчетные (1934 г.)		исчисленные (на 1935 г.)
Горьковский край	родилось	269556	318534	309511	310826	185651 141738 ¹
	умерло	211660	250513	242351	242914	137114 119... ²
Татарская АССР	родилось	90787	126171	99328	99328	99328
	умерло	55499	73374	82119	82119	82119
Средне-Волжский край	родилось	160745	199442	214607	217753	213994 ³ 52441 ⁴
	умерло	186655	240091	232342	235666	224375 ³ 57502 ⁴

Примечание. Составлено и рассчитано по [19, л. 3, 5, 6; 20, л. 41, 43; 29, л. 6, 7, 13, 14, 81, 82; 45, л. 115–116, 137, 138, 153–154, 157–158, 162; 46, л. 22, 30, 31; 47, л. 21]. ¹ – Кировский край на 1935 год, ² – последние три цифры по Кировскому краю не читаемы из-за повреждения документа, ³ – Куйбышевский край, ⁴ – Оренбургская область.

Таблица 2 – Недоучет естественного движения населения рассматриваемых регионов (1933 г.)

Регион		Число советов ¹ (загов)	Население (на 01.01.1933 г.), тыс. чел.	Заго-месяцев		Среднегодовое население, чел.		Недоучет, %	
				всего	отчетное	всего	отчетное	загсы	население
Горьков- ский край ²	город	49 (72) ³	1037,4	828 (864)	828 (857)	1039525 (1038781)	1039525 (1037576)	–	–
	село	2193 (2154)	4729,1	25776 (25704) ⁴	24732 (23020)	4699504 (4699537)	4530828 (4214592)	4,1	3,6
Марийская АО	город	5 (6)	32,5	72 (72)	72 (72)	32006 (32006)	32006 (32006)	–	–
	село	255 (253)	518,4	3036 (3036)	3036 (2222)	480911 (480911)	480911 (357156)	–	–
Удмуртская АО	город	5 (5)	157,7	60 (60)	60 (60)	145920 (138060)	145920 (138060)	–	–
	село	382 (367) ⁵	710,7	4392 (4397)	4266 (3899)	719133 (718923)	698512 (639574)	2,9	2,9
Чувашская АССР	город	7 (7)	65,6	84 (84)	82 (82)	68955 (68955)	64262 (64262)	2,4	6,8
	село	617 (616)	894,9	7392 (7392)	7158 (6360)	890898 (895534)	861862 (777354)	3,2	3,3
Татарская АССР	город	17 (18)	375,0	204 (216)	204 (191)	362475 (375571)	362475 (362142)	–	–
	село	1698 (1698)	2325,5	20388 (20376)	20388 (14294)	2437739 (2369519)	2437739 (1647966)	–	–
Средне- Волжский край ²	город	28 (34)	954,2	420 (408)	406 (393)	954256 (944213)	950251 (631213)	3,3	0,4
	село	2663 (2441)	5382,7	29300 (29292)	23645 (23634)	4869202 (4868497)	4046195 (4054834)	19,3	16,9
Мордовская АО ⁶	город	7	52,4	84	72	53828	47982	14,3	10,9
	село	598	1364,5	7068	4533	1235017	834317	35,9	32,4

Примечание. Составлено и рассчитано по [19, л. 45 об., 46 об., 47 об., 51 об., 52 об., 53, 54 об.; 20, л. 90 об.; 45, л. 135–136, 139–140, 153–156, 159–161, 163; 48, с. 42–53, 58–61, 80–87], в скобках приведены конъюнктурные данные. ¹ – для городов указаны и рабочие поселки, ² – без национальных автономий; ³ – 24 загса по конъюнктурным данным числились сельскими; ⁴ – без Фоминского района; ⁵ – на 01.11.1933 года 366 загсов; ⁶ – по Мордовской АО конъюнктурных данных не обнаружено.

Поскольку в отчетах областных УНХУ эти данные есть, то можно уточнить показатели естественного движения населения с учетом неместных. Также нами были обнаружены новые данные по Саратовскому краю [19, л. 85–86], из которых видно, что уточнение данных по неместному населению шло постоянно и данные порайонной рождаемости и смертности пересчитывались. На районные оценки это критически не повлияло, однако суммарные показатели по краю изменились. Данные естественного движения населения по Волго-Вятскому региону и Поволжью с Оренбуржьем на 1933 год, рассчитанные нами (табл. 3), в целом близки к оценкам статистиков ЦУНХУ на 1935 год (см. табл. 1).

В рассмотренных работах по голоду 1932–1933 годов в первую очередь крупнейшее внимание уделяется трагедии сельского населения, а городское либо не рассматривается, либо только отмечается отрицательный прирост населения в городах. Если же анализировать проблему комплексно, от вятских ле-

сов до астраханских и оренбургских степей, то видно, какой колоссальный удар 1933 год нанес по городскому населению. При этом смертность местного городского населения была сопоставима с сельским, а в некоторых регионах даже превышала ее, поэтому теории о намеренном уничтожении голодом именно крестьянства являются несостоятельными. И если на селе еще были биоресурсы окружающих лугов, лесов и водоемов, то в городах и этого, как правило, не было. Если огромная убыль населения в селах Средне-Волжского и Нижне-Волжского краев была скомпенсирована положительным приростом в селах Татарстана и Волго-Вятского региона, то городское население пострадало везде (табл. 3). А убыль населения почти в 90 тыс. человек сопоставима с полным исчезновением в 1933 году такого города, как Вятка (более 86 тыс. зарегистрированного населения). И становятся понятными действия властей по обеспечению продовольствием городов.

Таблица 3 – Естественное движение населения Волго-Вятского региона, Поволжья и Оренбуржья в 1933 г. (расчеты авторов)

Регион		Рождаемость				Смертность				Прирост
		отчет	с недо- учетом	на 1000	неместные ³	отчет	с недо- учетом	на 1000	неместные ³	
Горьковский край ¹	город	24151	–	23,2	1246 (208)	24378	–	23,5	6383 (2354)	–227
	село	187555	194537	41,4	7018 (5850)	140169	145387	30,9	1327 (509)	49150
Марийская АО	город	847	–	26,5	115	1029	–	32,2	199	–182
	село	21645	–	45,0	–	17409	–	36,2	–	4236
Удмуртская АО	город	4866	–	33,3	171	4767	–	32,7	144	99
	село	32417	33374	46,4	–	25688	26446	36,8	–	6928
Чувашская АССР	город	1399	1501	21,8	–	1518	1629	23,6	–	–128
	село	37133	38384	43,1	–	25090	25935	29,1	–	12449
Татарская АССР	город	10410	–	28,7	134 (81)	15856	–	43,7	784 (578)	–5446
	село	88918	–	36,5	351 (271)	66263	–	27,2	485 (394)	22655
Средне-Волжский край ¹	город	21266	21356	22,4	400 (341)	50216	50428	52,8	5886 (5630)	–29072
	село	153223	184389	37,9	771 (93)	150264	180828	37,1	400 (105)	3561
	неизвестно	457				1621				
Мордовская АО	город	1397	1567	29,1	15 (14)	1293	1451	26,9	26 (24)	117
	село	41867	61975	50,2	63 (13)	33823	50067	40,5	44 (15)	11907
	неизвестно	117				60				
Саратовский край ¹	город	7125	–	13,1	7 (2)	34963	–	64,2	7547 (7525)	–27838
	село	28003	29962	22,9	15 (15)	84761	90692	69,2	108 (19)	–60729
	неизвестно					484				
АССР Немцев Поволжья	город	1712	–	19,7	28 (25)	7700	–	88,7	36 (22)	–5988
	село	12238	–	30,9	17 (10)	42391	–	107,0	12 (12)	–30153
Сталинградский край ²	город	12881	12978	17,9	4 (4)	33390	33640	46,3	6918 (6632)	–20663
	село	32311	34195	25,6	48 (13)	48452	51278	38,4	101 (25)	–17082
Итого	город	86513			2121 (615)	175841			27923 (22765)	–89328
	село	699617			8283 (6265)	696696			2477 (1079)	2921
	неизвестно	574				2165				–1591
в т.ч. Оренбургская область	город	5153	–	21,8	193 (192)	13159	–	55,8	3202 (3192)	–8006
	село	35855	46812	40,1	51 (19)	33432	43649	37,4	42 (13)	3163
	неизвестно	127				105				

Примечание. Составлено и рассчитано по [19, л. 45–54 об., 85–86; 20, л. 89–90 об., 94, 95–96]. ¹ – без национальных автономий; ² – без Калмыцкой АО; ³ – в скобках лица с неустановленным местом жительства.

Демографическая катастрофа в городах подтверждается также смертностью в городах (особенно крупных) неместного населения, которая сопоставима по всем регионам (табл. 3). Исключение составляют города национальных автономий, но это связано с их небольшими размерами по сравнению с краевыми и региональными центрами, в первую очередь промышленными, где и были самые высокие показатели смертности приезжих.

В связи с этим необходимо подробнее рассмотреть проблему учета неместного населения в балансе его естественного движения. Рассматривая вопрос о гипотетическом колоссальном недоучете умерших из числа неместных (особенно в городах), мы сравнили число зарегистрированных местных умерших в крупных городах с зарегистрированными умершими неместными. В Горьком на 9854 умерших из числа местного населения было еще зарегистрировано 1457 (1161) пришлых (и неизвестных) умерших, в Вятке, соответственно, на 2129 еще 1285 (1027) [19, л. 48], в Самаре – на 14240 еще 29 (991), Пензе – на 5903 еще 229 (533), Оренбурге – на 9928 еще 4 (2447) [19, л. 45], Саратове – на 23552 еще 155 (7490) [19, л. 85], в Сталинграде – на 17406 еще 74 (4043), Астрахани – на 11494 еще 21 (2258) [20, л. 95]. Понятно требование центральных статистических органов исключить неместное население из итоговых данных, поскольку число неизвестных неместных умерших очень высоко, что вносит искажения в динамические демографические ряды естественного движения городского населения. Также видно, что с регистрацией смертности приезжих в крупные города из самих регионов система регистрации Средне-Волжского и Нижне-Волжского краев справлялась на очень высоком уровне – число умерших приезжих в крупные города местных без городской прописки очень невелико. При установлении адреса данные о них передавались на места и попадали в местную статистику, что подтверждается сравнением отчетов по Саратовскому краю [19, л. 85–86; 20, л. 93–93 об.]. Судя по приведенным числам и данным в целом (табл. 3), неопознанные умершие в городах в большинстве своем были на местах учтены. Повторимся, проблема не в «недоучете» неместных умерших, а в том, что не обнаружено сведений, что они попали в итоговую статистику по РСФСР. Также зафиксированная смертность неместного населения в крупных городах опровергает выводы о тотальном закрытии в 1933 году регионов с запретом выезжать куда-либо за их пределы – умершее в городах неместное население составляет около 16% от всех умерших городских жителей. Соответственно, миграционная активность была достаточно высокой, а описываемые в работах по голоду 1932–1933 годов ограничения по передвижению, скорее всего, преувеличены. В конечном итоге, некое сокрытие потерь из-за недоучета умерших приезжих является значительно преувеличенным. Если в рассматриваемом регионе, по нашим оценкам, умерло 874702 человек местного населения, а с учетом мигрантов с неустановленным местом жительства (30400 чел.) – 905102 человек, то доля мигрантов составит 3,3% от общего числа умерших (при уровне значимости 0,05 это находится в пределах допустимой ошибки). Таким образом, рассуждения о неких колоссальных сокрытых советской властью потерях населения от недоучета неизвестных умерших являются неубедительными.

Нет в смертности этнической составляющей – смертность населения национальных автономий сопоставима со смертностью в краях, в которые эта автономия входила. Очагом высочайшей смертности была АССР Немцев Поволжья, поскольку она входила в состав наиболее пострадавшего в регионе Саратовского края. Также не прослеживается некая единая система намеренного уничтожения голодом населения. Смертность в разных по экономике и структуре населения Средне-Волжском и Сталинградском краях почти одинакова, но выше, чем в отличном от них Горьковском крае. Но в сходных по экономике Сталинградском и Саратовском краях (входивших в 1933 году в общий Нижне-Волжский край) смертность резко различается. Фактически, смертность определяется именно региональной спецификой, которая, вероятнее всего, связана либо с действиями местных властей, либо с природными факторами.

Рождаемость и смертность в рассмотренных регионах оценивалась по данным динамического ряда в период 1927–1937 годов [47, л. 15–25] и по отчетным помесечным данным в период 1932–1933 гг. [29, л. 81–82, 86–87; 46, л. 22, 30, 31]. Число родившихся и умерших в 1935–1937 годы для Горьковского края завышено, поскольку не было возможности учесть переданные в 1935 году в выделенный Кировский край районы из Свердловской области, однако выбранные единицы измерения отчасти нивелируют это завышение, и в целом на тренде оно принципиально не отражается.

Тренды падения рождаемости с середины 1920-х годов в Средне-Волжском (рис. 1: А) и Нижне-Волжском крае [4, с. 196, см. рис. 1: А] схожи. В этих краях четко выделяется «яма» рождаемости. Но самая низкая рождаемость в Средне-Волжском крае зафиксирована только в 1934 году, а не длилась 1933 и 1934 года, как на Нижней Волге. Также в Средне-Волжском крае рост рождаемости с 1935 года фиксируется на относительно стабильной величине ниже уровня 1932 года (250–240 тыс.) с незначительной тенденцией к снижению. Тренд падения рождаемости в Горьковском крае плавный и почти линейный, темпы падения рождаемости до 1933 года гораздо ниже и без значительной «ямы» 1933 года. В Татарстане тренд падения рождаемости практически отсутствует, наблюдается только локальное ее небольшое понижение в 1931–1933 годах. Самая низкая рождаемость в Татарстане отмечена в 1932 году, а в Горьковском крае – в 1933 году. Таким образом, динамические ряды рождаемости указывают на принципиально разные демографические процессы в двух последних регионах, в отличие от других приволжских краев.

В период голода 1932–1933 года помесечная рождаемость в Горьковском и Средне-Волжском крае (рис. 1: Б) снизилась не так катастрофически, как в Нижне-Волжском крае [4, с. 196, см. рис. 1: Б]. В Татарстане какой-либо тренд рождаемости не наблюдается – имеются только резкие ее сезонные колебания вокруг средней величины 7 тысяч человек. Во всех регионах, как и в Нижне-Волжском крае, наблюдаются четко выраженные сезонные «пики» и «ямы» рождаемости, характерные для сельского населения при хозяйстве неиндустриального типа. Сезонность этих колебаний с привязкой к сельскохозяйственному году подтверждается их смещением на месяц в северных регионах, а также более резкими «пиками»

рождений по сравнению с южным Нижне-Волжским краем. В городах падение рождаемости наблюдается с февраля 1933 года, также наблюдаются небольшие «пики» числа родившихся, аналогично сельским.

Тренд рождаемости без учета 1932–1934 годов для рассмотренных регионов настолько четкий (рис. 1: А), что позволяет оценить демографические потери 1932–1933 годов и без графического представления. В Средне-Волжском крае демографические потери от снижения рождаемости определяются только для 1933 и 1934 годов и составляют порядка 32 и 61 тыс., в Горьковском крае, аналогично, порядка 40 и 26 тыс. соответственно. В Татарстане потери от рождаемости не определяются (модель без учета кризисных 1932–1934 годов совпадает с графиком при $R^2 = 0,97$). Суммарные общие демографические потери от падения рождаемости составляют 159 тыс. человек.

Динамика смертности по данным ряда в период 1927–1937 годов [47, л. 15–25] в рассмотренных регионах также имеет свою специфику. Как и в Нижне-Волжском крае [4, с. 196, см. рис. 2: А], смертность с середины 1920-х годов в рассматриваемых регионах характеризуется годовыми колебаниями вокруг определенной средней величины (рис. 2: А) с небольшим ростом во второй половине 1930-х годов в Татарстане и Горьковском крае. Для Горьковского края это может объясняться передачей в выделяемый Кировский край районов из Свердловской области. Как и для Нижней Волги, в Средне-Волжском крае четко определяется значительный «пик» смертности 1933 года. Для Горьковского края и Татарской АССР он тоже есть, но небольшой, а число умерших в этих регионах в 1933 году сопоставимо с 1936 годом.

Динамика числа умерших в период 1932–1933 годов по отчетным помесечным данным [29, л. 86–87; 46, л. 22, 30, 31] в рассмотренных регионах схожа (рис. 2: Б), но резко отличается от Нижне-Волжского края [4, с. 196, см. рис. 2: Б]. Во-первых, для городов и сел Нижне-Волжского края определяется два «пика» смертности – небольшой июля 1932 года и катастрофический мая–июня (Саратовский край) и высокий июля (Сталинградский край) 1933 года. В Горьковском и Средне-Волжском крае и в Татарстане «пиков» четыре: марта и августа 1932 года, марта и августа 1933 года, а сами «пики» схожи по числу умерших. Такая динамика вызывает вопросы.

Майско-июньский «пик» 1933 года в нижеволжском Саратовском крае можно сопоставить с голодными смертями, хотя такие смерти скорее характерны для начала – середины весны, а в конце весны – начале лета голод должен был пойти на убыль в связи с началом периода активной вегетации и созреванием ранних культур и дикоросов. Такое смещение голодных смертей можно объяснить поступлением весенней продовольственной помощи в регион, которая была недостаточной и быстро сошла на «нет» и неблагоприятными погодными условиями, препятствующими вегетации. Но июльский «пик» 1933 года Сталинградского края и августовские пики 1932 и 1933 годов в других регионах голодом не объясняются, поскольку к тому времени сбор урожая был в самом разгаре, и продовольствия на селе должно было быть в любом случае достаточно. В связи с этим мы уже предполагали эпидемический характер смертности на Нижней Волге [4, с. 197]. Наличие таких же «пиков» примерно в это же время в Средне-Волж-

ском и Горьковском крае и в Татарской АССР косвенно может подтвердить гипотезу о сезонных эпидемиях конца лета. Поскольку, повторимся, голод в разгар уборочной кампании и летнего созревания плодово-ягодных культур и дикоросов объяснить крайне трудно даже любыми хлебозаготовками. Мартовские «пики» могут указывать как на голод, так и на весенние эпидемии, характерные для северной Лесостепи и Лесной зоны. В связи с этим вопрос эпидемиологического характера смертности в Поволжье и Волго-Вятском регионе требует дополнительной проверки по данным первичного учета либо анализа медицинской статистики.

Уровень смертности без учета 1932–1934 годов в рассмотренных регионах также достаточно четкий (рис. 2: А), что позволяет оценить превышение смертности 1932–1933 годов без графического представления. Для Средне-Волжского края в 1932 году прямые потери не определяются, в 1933 году превышение смертности над трендом составило 85 тысяч человек, также превышение смертности около 10 тыс. человек есть в 1934 году. Для Горьковского края превышение смертности над трендом в 1933 году около 32 тыс. человек и около 21 тыс. человек в 1934 году, схожее превышение и в Татарстане – 32 тыс. и 17 тыс. человек, соответственно. Суммарно по всему рассмотренному региону в 1933 году это 149 тыс. человек. В 1934 году смертность еще 48 тыс. человек может быть и «эхом» голода, и результатом весенних эпидемий 1934 года, и проявлением голода 1934 года в связи с упоминаемым в проанализированных выше региональных работах неурожаем 1933 года из-за плохих погодных условий [36–40].

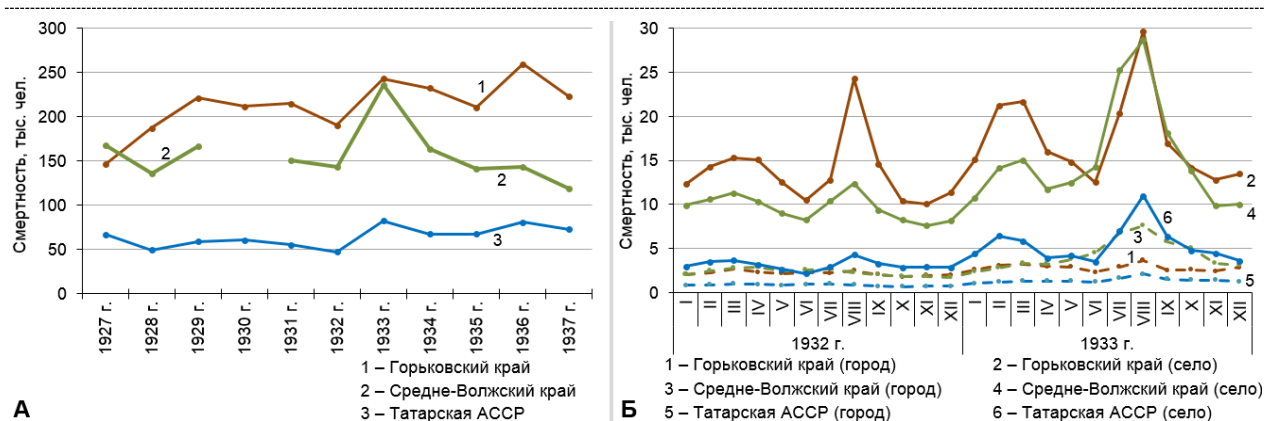
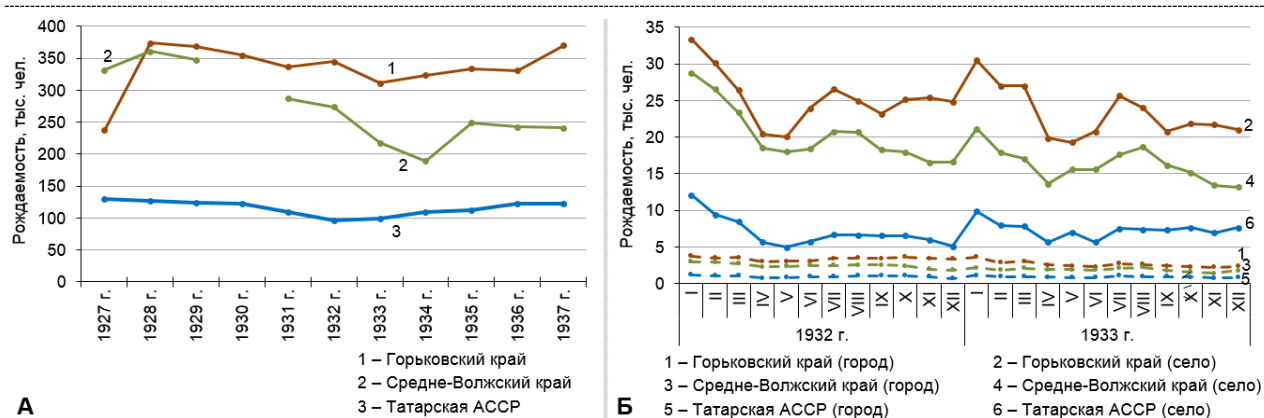
Сопоставление смертности (рис. 2: А) с рождаемостью (рис. 1: А) дает возможность сравнительного анализа особенностей демографического перехода в Поволжье и Волго-Вятском регионе в конце 1920-х – 1930-х годах. С.А. Нефедов падение рождаемости связывает с коллективизацией, вызвавшей социальную нестабильность и падение уровня жизни [9, с. 58]. Но во всех рассмотренных нами работах [21–27; 30–44] приводятся одинаковые процессы коллективизации и связанные с ними как организационные и социальные проблемы, так и эксцессы на местах, независимо от региона. То есть коллективизация была везде одинаковой, но устойчивого роста смертности, который сопровождает падение уровня жизни, ни в одном описываемом регионе до 1932 года (в некоторых регионах включительно) не наблюдается. Кроме того в разных регионах и рождаемость снижается неодинаково, а в Татарстане, она фактически не снижается, а колеблется (создается впечатление, что в Татарстане на селе в 1930-е годы не было демографического перехода). С другой стороны, С.А. Нефедовым приводятся и иные причины падения рождаемости, зачастую с коллективизацией не связанные (резкий рост миграций из деревни, эмансипацию женщин, рост грамотности, распад православных семейных и социальных традиций в результате антирелигиозной пропаганды и легализация аборт) [9, с. 58–59]. Однако тренды рождаемости в регионах показывают, что в одних регионах имел место слом социальной структуры сельского населения, а в других – нет. Возможно, в среде преимущественно не-сельскохозяйственного населения (Горьковский промышленный и Вятский регион) социальные трансформации произошли раньше, а в национальных ав-

тономиях традиционный уклад жизни держался гораздо дольше, чем в многонациональных сельхозпроизводящих регионах.

Наконец, региональный анализ естественного движения населения является неполным без оценки его местной специфики. Масштаб административного района (несмотря на формирование, расформирование и переформирование районов за истекшее с 1933 года время) позволяет достаточно точно сопоставить единицы административно-территориального устройства периода 1932–1933 годов с современными единицами и географическим районированием. Использование геоинформационного картографирования на основе показателей естественного движения населения [49; 50] дает возможность сравнительной региональной оценки особенностей демографических процессов [4]. Нами были взяты пересчитанные (в связи с ошибками в отчетах) районные отчетные показатели рождаемости и смертности населения на 1000 чел. [19, л. 45–54 об.; 20, л. 89–90 об.]. Данные вносились в базу и привязывались к картографической основе (административно-территориальное устройство на отчетный год) в пакете ArcGIS с получением в дальнейшем картограмм (рис. 3). При классификации показателей естественного движения населения были взяты средние величины рождаемости в селах Саратовского, Средне-Волжского и Горьковского края и Мордовии (самая высокая рождаемость)

и смертности в селах (по убыванию) Саратовского, Средне-Волжского и Горьковского края и Татарской АССР (табл. 3).

Порайонный анализ рождаемости (рис. 3: А) показывает полное отсутствие какой-то зональности или географической приуроченности. Районов, в которых рождаемость сопоставима с низкой рождаемостью сел Саратовского края, всего 4 – Фоминский Горьковского края (самая низкая рождаемость), Старо-Кулатский (ныне Старокулаткинский Ульяновской области) и Керенский (не существует, территория Пензенской области) Средне-Волжского края и Буинский район Татарской АССР. Также получается, что при пересечении административной границы между Саратовским и Средне-Волжским краем рождаемость сельского населения скачком возрастает. При этом районы с высокой рождаемостью соседствуют с районами с низкой рождаемостью и даже примыкают к районам Саратовского края, где рождаемость на селе была катастрофически низкой. Самой высокой рождаемостью характеризовались северные районы Вятского региона (Вятский регион в целом) и Удмуртия. Высокая рождаемость была в северных и крайних восточных (Оренбуржье) районах Средне-Волжского края. Все это указывает на то, что демография голода во многом зависела от местного (до краевого включительно) руководства.

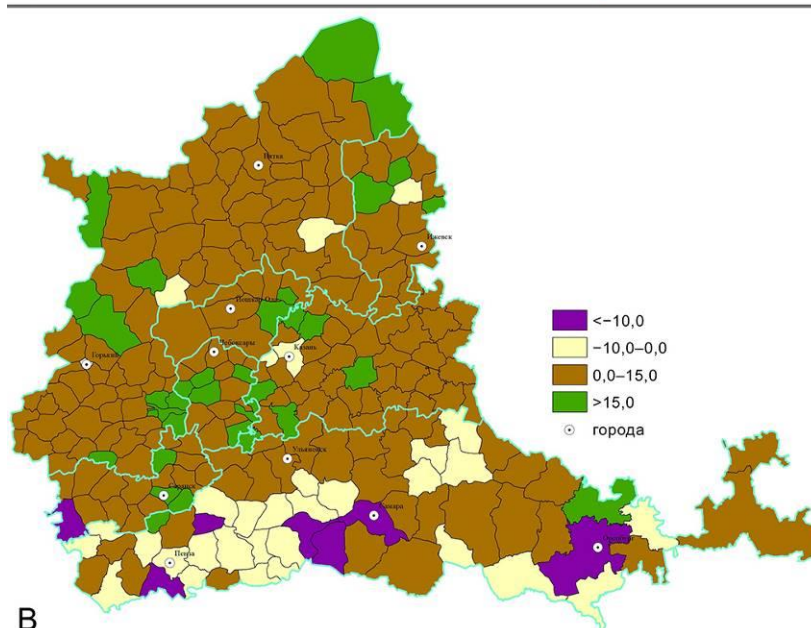
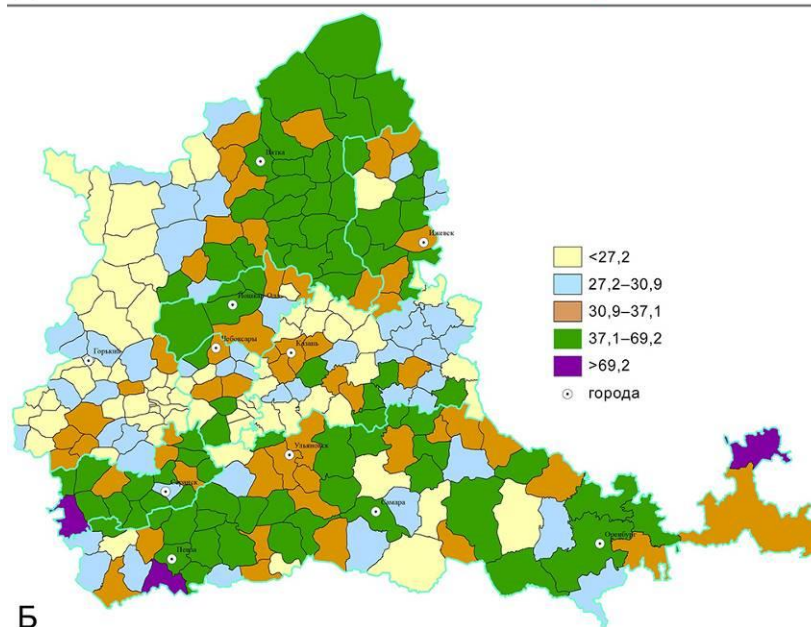
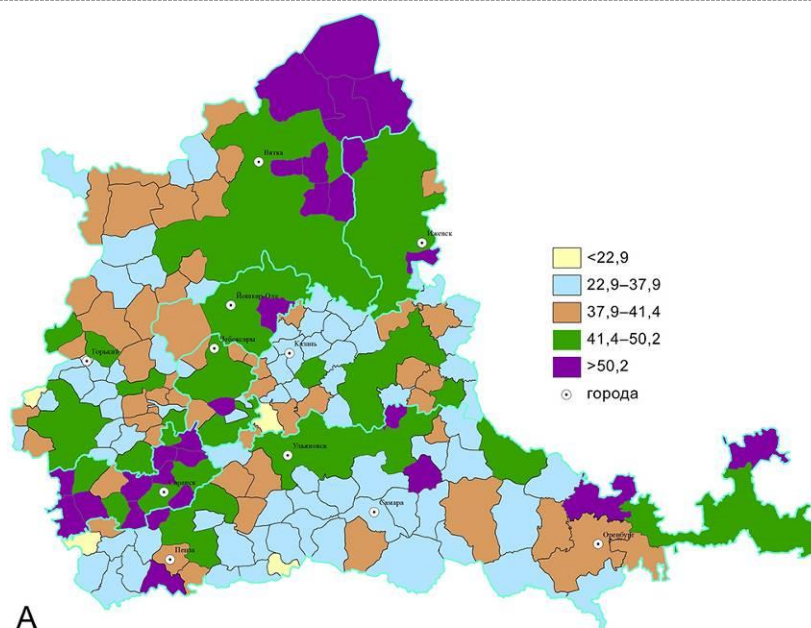

Рисунок 3 – Рождаемость (А), смертность (Б) и естественный прирост (В) на 1000 чел. сельского населения в Горьковском и Средне-Волжском краях и Татарской АССР в 1933 году

Распределение смертности в районах (рис. 3: Б) также не показывает никакой зональности или географической приуроченности. При этом, как и для рождаемости, районы с высокой смертностью соседствуют с районами со смертностью низкой, а последние граничат с районами Саратовского края с катастрофической смертностью. С. Уиткрофт указывал, что голод не знал границ [14, с. 754], в случае же Среднего Поволжья падение смертности в подавляющем большинстве случаев четко связано с пересечением административных границ. И это однозначно указывает не только на действия местного руководства, но и на отсутствие какой-либо единой системы тотального уничтожения крестьянства голодом. Самая высокая смертность отмечалась в Телегинском районе (не существует, территория Пензенской обл.) – 99,4 на 1000 населения и Zubovo-Polyanskом районе Мордовии (75,1 на 1000). Высокая смертность, сопоставимая с Саратовским краем, была в Оренбургском, Самарском, Инзенском, Городищенском, Сызранском, Челно-Вершинском, Кинель-Черкасском районах. Часть этих районов характеризовалась проблемами с учетом естественного движения населения, а большинство примыкало к крупным городам Средне-Волжского края. Это (как и для Нижней Волги) подтверждает гипотезу С. Уиткрофта, объяснявшего высокую смертность тем, что централизованные хлебозаготовки привели к сокращению поставок продовольствия в местные города, после чего местные власти для обеспечения их продовольствием усилили децентрализованные заготовки в прилегающих к городам сельских районах [14, с. 758]. Высокая смертность также была характерна для Вятского региона, но связана она, вероятнее всего, с климатическими особенностями и компенсировалась высокой рождаемостью.

Дополнительно был проведен картографический анализ величин естественного прироста сельского населения (рис. 3: В). И он для Средне-Волжского края показал приуроченность районов с отрицательным приростом преимущественно к территории Приволжской возвышенности правобережья Волги (районы современной Пензенской области) и Общего Сырта (восток Самарской и Оренбургская область). Выявленная, как и на Нижней Волге, высотная географическая приуроченность указывает на необходимость оценки природных факторов, в частности погодных условий возвышенностей приволжских территорий, входящих в современную Пензенскую, Самарскую, Саратовскую и Оренбургскую область. Но величины убыли сельского населения районов Средне-Волжского края гораздо ниже, чем в районах Саратовской края, повторимся, падение смертности и убыли населения четко связано с пересечением административных границ. Самая высокая убыль населения была в селах Телегинского (–36,1 на 1000), Самарского (–24,9), Сызранского (–19,8), Оренбургского (–17,5), Zubovo-Polyanskого (–11,4), Николо-Пестровского (–11,2), Приволжского (–11,2) и Ново-Девиченского (–10,0) районов, но она гораздо меньше, чем в соседнем Саратовском крае. Это также указывает на то, что смертность в период 1933 года в историческом Поволжье и Оренбуржье определялась исключительно спецификой местных условий.

Наконец, в отчете был обнаружен артефакт. В Кваркенском районе (крайний восток Оренбуржья)

было зафиксировано 1155 родившихся и 1144 умерших человек, что в пересчете на среднегодовую численность населения приславших отчеты загсов дало экстремально высокую рождаемость и смертность на 1000 человек населения – 137,7 и 130,4 соответственно [19, л. 46 об.]. В данном случае, возможно, имела место незамеченная ошибка в учете населения, либо это учтенные как местные умершие мигранты из Казахстана, к которому прилегает район.

Таким образом, в большинстве рассмотренных регионов отмечен высокий уровень учета естественного движения населения. В Горьковском крае недоучет был в среднем на уровне 3%, в Марийской автономной области и Татарской АССР недоучета населения не было. Высокий недоучет был в селах Средне-Волжского края (16,9%) и, особенно в Мордовской автономной области (32,4%).

Не выявлен высокий недоучет местного населения и большое количество неучтенных неизвестных умерших. Умершее неместное население в городах составило 16% от умерших городских жителей, для сел эта доля незначительная. Это указывает на то, что с регистрацией смертности приезжих в крупные города загсы справлялись. Зафиксированная смертность неместного населения в городах опровергает выводы о закрытии в 1933 году регионов с запретом выезжать – мобильность населения была высокой.

Голод 1932–1933 годов нанес колоссальнейший удар по городскому населению рассмотренных регионов, относительная смертность местного городского населения была сопоставима со смертностью сельского и даже превышала ее. Смертность городского населения Волго-Вятского региона, Поволжья и Оренбуржья составила 175841 человек, а убыль – около 90 тыс. человек. Смертность сельского населения составила 696696 человек, при этом убыль населения в селах Средне-Волжского и Нижне-Волжского краев была скомпенсирована положительным приростом в селах Татарской АССР и Волго-Вятского региона, в результате чего прирост сельского населения был положительным (2921 человек). Установлена неучтенная смертность 2165 человек с неустановленным местом жительства и 30440 человек неизвестных. Соккрытие потерь из-за недоучета умерших не подтверждается данными учета. Несмотря на то, что не обнаружено сведений, что лица с неустановленным местом жительства попали в итоговую статистику, в целом это не является критическим, поскольку по Волго-Вятскому региону, Поволжью и Оренбуржью доля умерших мигрантов составила только 3,3% от общего числа умерших. По нашим оценкам всего умерло 874702 человек местного населения, а с учетом мигрантов с неустановленным местом жительства – 905102 человек.

Динамические ряды рождаемости указывают на принципиально разные демографические процессы в Волго-Вятском регионе, Татарской АССР и Средне-Волжском крае. В Средне-Волжском крае рождаемость падала резко, четко выделяется «яма» рождаемости, а самая низкая рождаемость зафиксирована в 1934 году. Тренд падения рождаемости в Горьковском крае плавный и почти линейный, темпы падения рождаемости до 1933 года гораздо ниже без значительной «ямы» 1933 года. В Татарской АССР наблюдается только локальное небольшое снижение рождаемости в 1931–1933 годах. Самая низкая рож-

даемость в Татарстане отмечена в 1932 году, а в Горьковском крае – в 1933 году. Во всех регионах в период 1932–1933 годов наблюдаются четко выраженные сезонные «пики» и «ямы» рождаемости, характерные для сельского населения при хозяйстве неиндустриального типа. Сезонность этих колебаний с привязкой к сельскохозяйственному году подтверждается их смещением на месяц в северных регионах. В городах падение рождаемости было с февраля 1933 года с небольшими «пиками» рождаемости, как на селе.

Смертность в рассмотренных регионах характеризуется годовыми колебаниями вокруг определенной средней для региона величины. В Средне-Волжском крае четко определяется значительный «пик» смертности 1933 года. Для Горьковского края и Татарской АССР этот «пик» небольшой, а число умерших в 1933 году сопоставимо с 1936 годом. В Горьковском и Средне-Волжском крае и в Татарстане установлены четыре схожих по числу умерших «пика» смертности: марта и августа 1932 года, марта и августа 1933 года. Августовские пики 1932 и 1933 годов не могут быть объяснены голодом, поскольку к тому времени сбор урожая был в самом разгаре, и продовольствия на селе должно быть достаточно. Наличие таких пиков может иметь причиной сезонные эпидемии конца лета, что требует дополнительной проверки по данным первичного учета и анализа медицинской статистики. Мартовские «пики» могут указывать, как на голод, так и на весенние эпидемии, характерные для северной лесостепной и лесной зоны, что также требует дополнительных исследований.

Для рассмотренных регионов установлен различный характер демографического перехода. Устойчивого роста смертности, который сопровождает падение уровня жизни, ни в одном описываемом регионе до 1932 года не наблюдается, рождаемость в разных регионах также снижается неодинаково, в Татарстане рождаемость не снижается, а колеблется. Возможно, в среде преимущественно несельскохозяйственного населения (Горьковский промышленный и Вятский регион) социальные трансформации произошли раньше, а в национальных автономиях (Татарстан) традиционный уклад жизни держался гораздо дольше, чем в южных сельхозпроизводящих регионах.

Установлено, что в Волго-Вятском регионе Среднем Поволжье и Оренбуржье рождаемость и смертность в административных районах была значительно ниже, чем в Нижнем Поволжье. Не установлена какая-либо зональность рождаемости или смертности, но эти показатели резко менялись при пересечении административных границ. Самая низкая рождаемость была в Фоминском районе Горьковского края, Старо-Кулатском (ныне Старокулаткинский Ульяновской области) и Керенском (не существует, территория современной Пензенской области) районах Средне-Волжского края и Буинском районе Татарской АССР. Самая высокая рождаемость была в Вятском регионе и Удмуртии. Высокая рождаемость была характерна для северных (современная Ульяновская область) и крайних восточных (современная Оренбургская область) районов Средне-Волжского края. Самая высокая смертность отмечена в Телегинском районе (ныне не существует, территория Пензенской обл.) Средне-Волжского края и Zubovo-Полянском районе Мордовии. Также высокая смертность была в Оренбургском, Самарском, Инзенском,

Городищенском, Сызранском, Челно-Вершинском, Кинель-Черкасском районах Средне-Волжского края. Высокая смертность была характерна и для Вятского региона, но связана она, вероятнее всего, с климатическими особенностями региона и компенсировалась высокой рождаемостью. Порайонная смертность отчасти подтверждает гипотезу С. Уиткрофта, о том, что централизованные хлебозаготовки привели к сокращению поставок продовольствия в местные города, после чего местные власти для обеспечения их продовольствием усилили децентрализованные заготовки в прилегающих к городам сельских районах.

Районы с отрицательным приростом сельского населения характерны для территории Приволжской возвышенности правобережья Волги (современная Пензенская область) и Общего Сырта (восток Самарской и Оренбургская область). Выявленная высотная приуроченность указывает на необходимость оценки природных факторов, в частности погодных условий возвышенностей приволжских территорий, входящих в современную Пензенскую, Самарскую, Саратовскую и Оренбургскую область. Самая высокая убыль населения была в селах Телегинского (–36,1), Самарского (–24,9), Сызранского (–19,8), Оренбургского (–17,5), Zubovo-Полянского (–11,4), Николо-Пестровского (–11,2), Приволжского (–11,2) и Ново-Девиченского (–10,0) районов, но она гораздо меньше, чем в соседнем Саратовском крае. Это также указывает на то, что смертность в период 1933 года в историческом Поволжье и Оренбуржье определялась исключительно спецификой местных условий.

Теории о намеренном уничтожении голодом крестьянства либо этноцида голодом, а также какой-либо единой системы уничтожения голодом данными естественного движения населения в рассмотренных регионах не подтверждаются. Фактически смертность населения, как и его рождаемость, определяется региональной спецификой, которая во многом зависела от местного руководства и определялась спецификой местных условий, возможно, природными факторами, либо сезонными эпидемиями, что требует дополнительных исследований.

В Средне-Волжском крае в 1933 году прямые потери от превышения смертности составили 85 тыс., в Горьковском крае – 32 тыс., в Татарской АССР – 32 тыс. человек, суммарно – 149 тыс. человек, в 1932 году превышение смертности в этих регионах не отмечено. С учетом превышения смертности в Нижне-Волжском крае (без учета в 1933 году Калмыцкой АО) в 1932–1933 гг. 175 тыс. человек, общее превышение смертности в период голода 1932–1933 гг. в Волго-Вятском регионе, Поволжье и Оренбуржье составило 324 тыс. человек. Возможно, к ним нужно отнести еще превышение смертности 1934 года в Горьковском и Средне-Волжском крае и Татарской АССР 48 тыс. человек.

Демографические потери 1933–1934 годов от снижения рождаемости в Татарской АССР не отмечаются, в Средне-Волжском крае они составляют 93 тыс., в Горьковском крае – 66 тыс. человек, суммарно 159 тыс. человек. С учетом потерь от падения рождаемости в Нижне-Волжском крае (без учета в 1933 году Калмыцкой АО) в 1932–1933 гг. 147 тыс. человек общие демографические потери от падения рождаемости в Волго-Вятском регионе, Поволжье и Оренбуржье составили 306 тыс. человек.

Список литературы:

1. Кондрашин В.В. Региональные и национальные особенности голода в СССР в 1932–1933 гг. // Труды Института российской истории РАН. 2019. № 15. С. 196–219.
2. Цыганова Я.М. К истории географического наименования «Среднее Поволжье» // Вестник СамГУ. 2015. № 11 (133). С. 154–158.
3. Захаров С.Г. Парадоксы в географической науке как средство мотивации обучаемых // Экология XXI века: синтез образования и науки: мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 18–21 мая 2020 г. Челябинск, 2020. С. 39–44.
4. Назаренко Н.Н., Башкин А.В. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Нижнего Поволжья в период голода 1932–1933 годов // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 2. С. 189–199. DOI: 10.17816/snv2021102210.
5. Осокина Е.А. Жертвы голода 1933 года: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 18–26.
6. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Д. Население Советского Союза, 1922–1991 гг. М.: Наука, 1993. 139 с.
7. Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. С. 333–363.
8. Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М.: Собрание, 2009. 288 с.
9. Нефедов С.А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 283 с.
10. Нефедов С.А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 432 с.
11. Нефедов С.А. Демографическая динамика СССР в 1930-х годах // Экономическая политика. 2012. № 5. С. 59–69.
12. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. М.: Росспэн, 2011. 543 с.
13. Davies R.W., Wheatcroft S.G. The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933. Registered excess deaths by regions, 1932–1933 [Internet] // <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/hunger>.
14. Уиткрофт С. Показатели демографического кризиса в период голода // Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 3: Лето 1933–1934. М.: МФД, 2013. С. 719–771.
15. Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. М.: Росспэн, 2000. 463 с.
16. Жиромская В.Б. Голод 1932–1933 годов в России и современные международные отношения // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. № 14. С. 92–101.
17. Жиромская В.Б. Голод 1932–1933 гг.: Людские потери // Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 3: Лето 1933–1934. М.: МФД, 2013. С. 651–662.
18. Levchuk N., Wolowyna O., Rudnytskyi O., Kovbasiuk A., Kulyk N. Regional 1932–1933 famine losses: a comparative analysis of Ukraine and Russia // Nationalities Papers. 2020. P. 1–21. DOI: 10.1017/nps.2019.55.
19. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19.
20. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 18.
21. Кондрашин В.В. Голод в Поволжье // Голодомор 1932–1933 гг. в Україні: причини та наслідки: мат-ли міжнар. наук. конф. Київ, 9–10 вересня 1993 р. Київ: Інститут Історії НАН України, 1995. С. 123–132.
22. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. 1996. Вып. 3. С. 92–99.
23. Кондрашин В., Пеннер Д. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара–Пенза: Изд. СГУ–ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2002. 432 с.
24. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: Росспэн, 2008. 519 с.
25. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье и на Южном Урале // Центр и периферия. 2009. № 3. С. 102–109.
26. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. 2-е изд., доп. и перераб. М.: РОССПЭН, 2018. 566 с.
27. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов в Поволжье // Голод в Україні у першій половині XX століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): мат-ли міжнар. наук. конф. Київ, 20–21 листопада 2013 р. Київ, 2013. С. 249–255.
28. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 335.
29. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16.
30. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов в Российской Федерации // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М.: РОССПЭН, 2011. С. 257–282.
31. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в Российской Федерации (РСФСР) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1. С. 6–20.
32. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 350 с.
33. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 176–181.
34. Каунова Н.Е. Голод в начале 1930-х гг. в Средне-Волжском крае: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Самара, 2005. 20 с.
35. Каунова Н.Е. Демографические последствия голода в начале 30-х гг. в средне-волжской деревне // В мире научных открытий. 2010. № 6.2 (12). С. 333–336.
36. Леконцев О.Н. Причины и последствия голода 1932–1933 г. (на материалах Кировской области и Удмуртской Республики) // Вестник СамГУ. 2010. № 7 (81). С. 170–173.
37. Чемоданов И.В. Сельское хозяйство Вятского региона в первые годы массовой коллективизации (1929–1934 гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 6. С. 55–69.
38. Уваров С.Н. Этнодемографические процессы в Удмуртии в 1930-е гг. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 4. С. 664–677. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-664-677.
39. Надькин Т.Д. Коллективизация и голод в 1930-х гг. (на материалах Мордовии) // Репрессии в Мордовии 1930-х гг. и их последствия: мат-лы респуб. науч.-практ. конф. 27 мая 1998 г. Саранск: Изд. МГУ им. Н.П. Огарева, 2004. С. 172–180.
40. Надькин Т.Д. Деревня Мордовии в 1932–1933 годах: хлебозаготовки, голод и репрессии // Отечественная история. 2006. № 4. С. 59–69.
41. Мордовия: Энциклопедия: В 2 т.: Т. 1: А–М. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2003. 576 с.
42. Ажигулова А.И. Голод 1932–1933 года на Южном Урале как один из факторов изменения численно-

сти населения // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9, № 4. С. 377–393. DOI: 10.12731/2077-1770-2017-4-377-393.

43. Хисамутдинова Р.Р., Ажигулова А.И. Численность и состав сельского населения Оренбургского края в 1930-е годы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный журнал. 2014. № 1 (9). С. 105–111.

44. Ажигулова А.И. Смертность на Южном Урале в 1930-е годы // Клио. 2017. № 1 (121). С. 94–98.

45. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 28.

46. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41.

47. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256.

48. Административно-территориальное деление Союза ССР (на 15 июля 1934 г.). М.: Власть советов, 1934. 359 с.

49. Wheatcroft S.G. Mapping crude death rates in Ukraine in 1933 and explaining the raion patterns // Голод в Україні у першій половині XX століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): мат-ли міжнар. наук. конф. Київ, 20–21 листопада 2013 р. Київ, 2013. С. 219–226.

50. Wheatcroft S.G., Garnaut A., O'Grada C., Bishop I. Mapping and evaluating the major famines of modern times // Nazarbayev University Repository. Humanities and Social Sciences. 2013. P. 11–12.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Назаренко Назар Николаевич, доктор биологических наук, профессор кафедры химии, экологии и методики обучения химии; Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск, Российская Федерация). E-mail: nnazarenko@hotmail.com.</p> <p>Башкин Анатолий Викторович, координатор; Проект «Исторические материалы» (г. Москва, Российская Федерация). E-mail: lost_empire@mail.ru.</p>	<p>Nazarenko Nazar Nikolayevich, doctor of biological sciences, professor of Chemistry, Ecology and Chemistry Methodology Department; South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: nnazarenko@hotmail.com.</p> <p>Bashkin Anatoly Viktorovich, coordinator; Project «Historical Materials» (Moscow, Russian Federation). E-mail: lost_empire@mail.ru.</p>

Для цитирования:

Назаренко Н.Н., Башкин А.В. Региональные особенности рождаемости и смертности населения Волго-Вятского региона, Средней Волги и Оренбуржья в период голода 1932–1933 годов // Самарский научный вестник. 2021. Т. 10, № 4. С. 177–192. DOI: 10.17816/snv2021104208.